

Анатолий Азарков

***КАК Я СТАЛ
БОГОМ
ПУТЬ К СОЗИДАНИЮ***

Электронная версия

Анатолий Агарков

**Как я стал Богом.
Путь к созиданию**

«Автор»

2023

Агарков А.

Как я стал Богом. Путь к созиданию / А. Агарков — «Автор»,
2023

Однажды юному программисту-самоучке Алексею Гладышеву удастся изобрести виртуальный разум. Вот именно с этой истории все и пошло. Главный герой делает головокружительную карьеру, а виртуальный разум - фантастические открытия. Причем, каждый берет за основу свое: первый - душу бессмертную, данную Богом, второй - разум, сделав его бессмертным. Однако жизнь вносит свои драматические поправки, которые приводят к непредсказуемым результатам развития человеческой цивилизации, полностью переделав ее сущность и предназначение.

© Агарков А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1	6
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анатолий Агарков

Как я стал Богом. Путь к созиданию

*Мы лепеты наук за истину сочли;
Вы райские дворцы увидели вдали...
Все к Богу тянемся. Но вдруг спадут покровы,
И растеряемся: куда мы забрели!*
(Омар Хайям)

1

Люба исполнила угрозу – прилетела в Москву.

Её персональный летательный аппарат, так похожий на тарелку инопланетян, приземлился в хоккейную коробку нашего двора. Думаю, случись такое лет двадцать назад, то-то был ажиотаж. Люди сбежались бы со всех углов, поглазеть на внеземное чудо. А теперь в порядке вещей – будто каждый день летающие тарелки приминают траву в московских двориках. Только заядлый шахматист Сорока, поднял голову от доски и проводил любопытным взглядом стройную фигурку моей законной жены. До самого подъезда проводил. А потом горестно вздохнул – то ли отвергнутой молодости, то ли проигранной партии.

– Вот вы как устроились, – Люба обошла все комнаты. – Не дурно, не дурно. Главное, стиль сохранён. Теперь такие вещи только в музеях.

– Да будто бы? – взъерошился, не зная, что ожидать от этого визита.

– А это, наверное, твоя светёлочка? – гостя обратилась к Диане. – Скромно, уютно. Мне нравится.

– Где меня поселишь, дружок? – это уже ко мне. – Какая на вечер программа? Хочу в Большой.

Сходили квартетом в Большой театр. Потом ресторан. Говорила только Люба.

– Москва – самый архаичный город на земле. Всё сохранено, всё. Как в прежние добрые времена.

Эля (Электра) попросила соку. Диана мороженое. Для них любая пища – лишняя нагрузка на организм.

– А мы с тобой, Гладышев, употребим водочки с балычком. И шашлычки! Кутить, так кутить.

Подозвала робот-музыканта, нащёлкала его клавиатурой песню рубежа веков. Выпила и подпевала:

– Я рождён в Советском Союзе

– Сделан я в СССР....

Пыталась всех втянуть в разговор, но смотрела только на Диану. Во все глаза. А я напрягался – что-то будет вечером?

Дома вечером Люба:

– На правах старшей жены требую тебя к себе. Где меня устроите?

Устроили гостью в гостиной. И меня. Эля осталась одна в нашей семейной спальне. Диана в своей комнате – бывшей моей.

– Гладышев, слабак, сними оптимизатор, – потребовала законная супруга. – Неужели так плохо выгляжу, что тебе нужен стимулятор?

– Скорее наоборот, так великолепна, что боюсь опрофаниться.

– Ничего не бойся – всё у нас получится.

И получилось.

Я проспал допоздна и проснулся один. Вдвоём мы остались в квартире.

– Где Диана? – спросил Электру.

Но та не знала.

Надел оптимизатор и попросил Билли связать с дочерью.

– Мы с Любовью Александровной в Кремле, – услышал родной звоночек. – Здесь так здорово!

Ещё бы. Бывшая резиденция русских царей и президентов превращена в исторический музей. Обойти его недели не хватит. И мы терпеливо ждали. Но следующий раз услышали дочь, когда она была уже в Австралии. И опять:

– Здесь так здорово!

Потом была Антарктида. Потом Центр Управления Погодой в Тибете. И мы поняли, что потеряли дочь навсегда.

– Она выросла, – утешала меня Эля. – Она жаждет дела. С твоей женой ей интересней.

– Женой, женой, – брюзжал. – Ты моя жена и мать моего ребёнка, которого у нас подло похитили.

– Она будет приезжать.

Вдвоём с Электрой мы прожили год. Целых двенадцать месяцев, наполненных теплотой сердечных отношений, спокойствием размеренной жизни и уютом московской квартиры. Думаете это скучно? Отнюдь. Мы не пропустили ни одной премьеры, ни в одном театре мегаполиса. Посетили все музеи, выставки, и потом следили за каждым обновлением экспозиций. Мимо не проходили новинки литературы. Мы посещали творческие вечера и капустники нынешних и будущих знаменитостей.

Одно тяготило – как в то памятное утро Диана пропала вместе с Любой из нашей квартиры, так за это время не удосужилась переступить её порог. Всё ей некогда, всё ей недосуг. Даже пообщаться толком не удавалось.

Иногда, достигнув чего-то, она выходила на связь и, захлёбываясь воодушевлением, делилась новостями. Это были мгновения нашей радости. Которая тут же уступала место грусти (или огорчению), ибо на вопрос: «Ты прилетишь, Дианочка?» неизменно следовал ответ:

– Ой, сейчас некогда.

И связь завершалась.

На исходе двенадцатого месяца нашего проживания в Москве получили от дочери приглашение на свадьбу. На свадьбу! Наша Дианочка выходит замуж. Порадует внуками.

Мы общались, собираясь.

– Ну, как же при её непоседливом образе жизни с малышом?

– Ребёнка мы непременно заберём к себе. И воспитаем.

Мы собирались на свадьбу, а думали о новорожденном. Понимали, что дочь уже не вернуть в наши чертоги, а вот её детей... В том, что у Дианочки будет ребёнок, не сомневались – для чего же ещё современным молодым людям жениться?

Возникли проблемы. Свадьба должна состояться на Луне. Нет, это не было чьей-то прихотью. Из новостных сообщений, мы знали, что Луна активно колонизируется, и уже насчитывает несколько сотен тысяч жителей. Среди них жених нашей дочери.

– Как он выглядит? – спросил. – Пришли изображение.

Но Диана:

– Прилетайте, всё увидите.

Хорошо сказать – прилетайте. Мы из Москвы целый год ни шагу. А тут – на Луну.

Надо с кем-то связываться, что-то узнавать, кого-то просить.

Решил попросить Любу. Мы не общались с того дня, как она похитила нашу дочь, самовольно заменив ей отца и мать. Разве мог такое простить? Но обстоятельства вынуждали, да и про зятётечка хотелось подробнее.

Прошу Билли связать с Любой.

– Да? – голос законной супруги сух и деловит. – Я пришлю за вами летательный аппарат.

И всё. Конец связи. Нет больше времени для меня у Главного Хранителя Всемирного Разума.

Не имею права обижаться: сам отвёрг её как жену, а она лишила меня дочери. Стало быть, квиты. Впрочем, если быть справедливым – вряд ли Диане понравился наш осёдлый образ жизни. Молодость живёт движением, старость – думами.

Электра сразу смирилась, признав в Любаше лидера. Она сказала:

– Мы летим?

– Конечно, милая.

Мне стыдно перед Элей за свою слабость. Обратился за советом.

– Билли, что думаешь по поводу?

– Какие-то сомнения?

– А ты не мог подсказать женишку, что не вери гут так-то. По-людски: приехал бы, показался, да и проси руки суженой.

– А двадцать пять баранов в калым?

– И бесплатная путёвка... Кстати, что придумать в свадебный подарок? Ты ведь знаешь, что у них есть, а за что будут благодарны.

– Архаизм всё это: у людей радость – раздели её с ними и не надо лучшего подарка.

– А если мне женишок не понравится, или с Любашей найдутся темы для размолвок – что ж за свадьба-то без драки?

– С таким настроением оставайся-ка ты в Первопрестольной.

– От рук отбился?

– Ну, тогда, какие вопросы?

Любин личный флаер (летающая тарелка) приземлился в хоккейной коробке нашего двора. Беспилотный аппарат. Но всё равно кто-то его отслеживал, отсчитывал время посадки, стоянки, отлёта...

Я бы нырнул в разверзнувшийся люк и был таков. Но Эля выдержала вполне разумную паузу. Макияж навела. Наряды два-три раза поменяла, подбирая.

Что сказать? Молодец!

Душа рвалась к Дианочке. Лететь, лететь, конечно, надо, но родителями, а не какими-нибудь статистами на свадьбу дочери. Решил, Любиным проискам противопоставим своё сердечное великодушие. Однако точили сомнения – может, надумал всё, и нет никакой проблемы. Люба осуществляет роль благородной наставницы и не пытается вытеснить нас из сердца воспитанницы. Слетаем и на месте убедимся. В чём-то.

Сели, взлетели, прилунились. Едва глазом моргнуть успел, и ничего не почувствовал. Только невесомость. В какой-то момент тело стало лёгким-лёгким. Само готово лететь. А уже прибыли.

На бортовом экране: «Добро пожаловать на Луну! Отстегните ремни. Сейчас откроется люк-трап».

Мы отстегнули. Встали на ноги. Вес не вернулся. Ну, разве частично. Шагнул к открывшейся двери – а получилось, взлетел до конического потолка и приземлился (прилунился) уже на трапе. Вот такой шажок на пять-шесть метров.

За бортом небо звёздное и солнце у черты горизонта. А вокруг самая настоящая Луна – равнины, горы, кратеры. На всём кремнистый отблеск. Уж не он ли заставляет выть волков и томиться женщин на Земле?

– Сдрейфил? – это Билли. – Не удивительно. Первый человек, ступивший на эту твердь, намочил в штанишки. Так что...

– Слушай, тут же нет атмосферы.

– А оптимизатор на что?

– Тогда верни мне земной вес.

– Легко. Но как же экзотика?

– Да чёрт с ней. Скажи лучше, почему нас не разрывает внутреннее давление?

– Тебе хотелось бы? Сними оптимизатор – лопнешь, как воздушный шарик.

– Не вижу встречающих.

– А кем ты себя мнишь?

– Думал, дочь....

– Девочке сейчас не до вас. Впрочем, вот и она.

К нам летели два лунатика. Низко над поверхностью, едва не касаясь её ногами. Оба в одинаковых греческих туниках. Поди, узнай, который из них наша дочь.

Впрочем, утрирую.

Дианочка кинулась Эле на шею:

– Мамочка!

Туника – это мужская одежда или женская? Мне протянул руку курчавый, горбоносый, в тунике, но всё-таки молодой человек.

– Здравствуйте. Меня зовут Павлом.

Зятек, стало быть.

Я ответил на рукопожатие. Но тут Дианка повисла на шее.

– Папка!

Всё размерено – голову не разрывает её радостное ликование. Я к тому, что общение у нас телепатическое. На Луне голосовые связи напрягать не приходится.

– Здравствуй, милая.

– Идёмте, идёмте, – влечёт Диана с космодрома.

Здесь уже стояли рядами несколько десятков «тарелок» – гости слетелись. Наверное, все Распорядители присутствуют. Ещё бы – Главный Хранитель выдаёт замуж названую дочь. От этой мысли обида царапнула сердце. Впрочем, сколько, дорогая, ты не интригуй, Дианочка наш с Элей ребёнок, и она нас любит.

Впереди прозрачное строение.

– Оранжерея, – сообщила Диана. – Сейчас я вам что-то покажу.

Это был лунный камень. Думал, что сказка, красивая легенда, никакого лунного камня в природе не существует.

– Паша его нашёл, – Дианочка гордо. – Мой Паша – геолог.

– Теперь, наверное, нет, – будущий зять смущён. – Меня дизайн увлек. Вот посмотрите....

Вдоль прозрачных стен оранжереи стояли мраморные урны, из которых причудливыми изваяниями поднимались вверх чёрные, нет, антрацитово чёрные изваяния (по-другому не назовёшь). На что похожи? На деревья? Да, вряд ли. На скульптуры? Тоже мимо. На фантазии изошрённого ума? Ближе к истине. Во! На мексиканские кактусы. Только чёрные и без иголок.

– Они тёплые, – Диана. – Попробуй, папка.

Я прикоснулся. Да, действительно не холодные, как на то намекал цвет.

– Может, радиоактивные? – забеспокоилась Эля.

– Это застывшие солнечные лучи, – поведал Павел.

– Правда, правда, – кивает головой Диана. – Они растут, когда светит солнце. Это материализованные лучи. Паша достал их из лунной шахты, и теперь они растут здесь.

– А стены стеклянные зачем? – спросила Эля. – От холода?

– От пыли, – Диана. – Пыль здесь вредная, везде норовит влезть. Только это не стекло, а прозрачный полимер.

Подумал, порадовалась бы мама, будь жива, какая у неё русская внучка.

Длинная-длинная оранжерея – вдоль стен причудливые изваяния лунных камней. Когда из-за горизонта выныривает солнце, они начинают расти (прибывать в массу), аккумулируя его энергию.

Паша надумал оставить геологические изыскания и посвятить себя дизайну лунных камней. Диана, похоже, разделяет его пристрастия. Или, может, здесь другое? Более глубокие

личностные чувства? Моя дочь, наделённая от природы сверхчеловеческими способностями, готова посвятить себя мужу геологу, дизайнеру, или.... кем бы он там не был. Где же, Дианочка, твои увлечения?

Задаю себе вопрос – будь женщиной, смог бы полюбить бывшего геолога Пашу? Спрашиваю об этом Элю.

– Он тебе не нравится? – Электра удивлена.

– А ты в восторге?

– Отцовский эгоизм, – это Билли влез, и как всегда не к месту.

– В урну хочешь?

– А рискни.

Сволочь. Знает, что без оптимизатора на Луне мне не жить и мгновения – на куски разорвёт внутреннее давление.

Может, действительно отцовский эгоизм? Не скажу, что будущий зять вызывал во мне резкую антипатию. Нормальный парень. Но и всё. Казалось, моей незаурядной дочери пристало что-то адекватное.

Ну, что ж – Паша, так Паша.

Оранжерея лунных камней не пуста – говорю теперь о людях. Они порхали по вместительному сооружению, разглядывали неземные чудеса, любовались. Возникали вопросы, которые достигали сознания Павла и беспокоили его.

– Иди уж, – махнула рукой Диана.

И тот, как гончая, получившая команду «Пиль!», сорвался с места и полетел к кому-то любопытствующему.

Настало время родительского часа.

– Ты любишь его, солнышко?

– Да, конечно же, папка. Как можно его не любить?

Молодо-зелено. Ещё как можно!

– Уймись, – это Эля.

Действительно, у Дианочки праздник, она выходит замуж – чего ж я-то разворчался? Видимо, Билли прав – оставаться надо было в Первопрестольной.

Нет, надо настроиться. Надо полюбить или хотя бы сделать вид, что этот Паша мне не отвратен.

– Билли?

– Обыкновенный отцовский эгоизм. Особый рецидив у старых маразматиков.

Знаю, откуда такое настроение у виртуального брехунца. Как он доставал в Москве за осёдлый образ жизни. И лентяй я, мол, и сибарит. На Земле и во Вселенной дел невпроворот, а я картинки в галереях разглядываю.

Искать, говорил, надо Костю и похищенные души прозрачных. А я ему – возродившийся Костя твоё детище, вот и напрягайся. И с прозрачными не всё ясно – по-моему, у них любовное соглашение. От моих дам отстали, тому я рад. Они считают их погибшими – что ж, мне самому искать себе неприятности? Я живой человек, имею право на уют и счастье с любимой женщиной.

Долго так продолжалось, но, в конце концов, уgomонился. Сверкает серебряным браслетом на левом запястье да ворчит. А я привык и внимания не обращал. Даже скучновато порой без общения.

– Тебе как понять? Своих детей – один из автоклава, и тот с приветом.

Молчит скрипучка виртуальная.

С отцовской нежностью всматриваюсь в любимые черты.

– Как живёшь? Ты похудела. У вас будет малыш? Первый на Луне?

– Нет, пока не думали. А ребяташки здесь уже есть. Такие лапушки.

Покосился на Элю – всё прахом. Попляшем на свадьбе и на свои палаты.

Она сжимает мне пальцы – уймись, не напрягайся, прими жизнь, как она есть.

Да уж.

– Папка, ты иди пока к Павлу, а я мамочке что-то покажу.

– Платье? – это Эля.

– Ну, конечно.

Дамы удалились, а мне не хочется к зятю. Трогаю причудливое изваяние лунного камня – вот ты какой! Застывшие капли золотых лучей.

– Абсолютное топливо, если бы мы не знали реакции аннигиляции.

Вздрыгнул. Обернулся. Люба.

Год прошёл со дня последней встречи. Каких-то двенадцать месяцев, и мы снова смотрим в глаза друг другу. И – не поверите – любимся! Мне кажется, она стала ещё прекрасней. А я? Что она нашла во мне, кроме отметки в паспорте?

– Аннигиляция тоже архаизм – антигравитация теперь правит миром и телекинез.

– Верно, Гладышев. В музее космонавтики реактивные двигатели.

Пауза. Мы смотрим, не отрывая глаз, практически не мигая. Ловлю себя на подлой мысли, что хочу её. А почему, собственно, подлой?

– Билли?

– Мне, что за дело?

– Предатель.

Любина улыбка – само очарование.

– Здравствуй, любимый. Отлично выглядишь.

Воркует... обольстительница. Впрочем, женщина и должна быть такой. Не увлечёшь самца – останешься без потомства. Таков закон природы. Только Люба – печальное исключение. Миллионы восторженных поклонников, супруг без патологий, а детей Бог не дал. Или не просила?

– Есть такое правило эволюции – не обращала внимания?

– О чём ты?

– В дикой природе все самцы гораздо привлекательнее своих подруг. У льва есть грива, у оленя рога, у павлина хвост, у селезня оперение. Знаешь, почему?

– Просвети.

– Они должны понравиться самкам, чтобы поучаствовать в продолжении рода.

– Да что ты?

– У людей всё наоборот, поскольку и задачи перед человечеством иные – нужно двигать прогресс.

– И получается?

– Женщина крутит хвостом перед зеркалом, чтобы мужчина изредка, творя цивилизацию, посматривал в её сторону и обновлял поколение.

– Bravo! Отличная логика! Вижу, время не терял – развил целое философское учение.

Последователи уже есть или набираешь?

– Расскажи о своих успехах?

– Мне похвастать нечем – время героев истекло. Оптимизатор уравнивал людские возможности и способности. Даже Дианочка, щедро одарённая природой, не долго оставалась феноменом. Её способности изучены и материализованы.

– Я не умею летать.

– У тебя оптимизатор старой модели. Хочешь, поменять?

– Спасибо, привык.

– Я подарю.

– Расскажи про Луну. Чем тут народ занят?

– Потом покажу. Сейчас пора идти на церемонию.

Люба плавно оторвалась от полимерного покрытия и легко полетела вперёд. Потом остановилась, зависнув над полом, обернулась.

– Гладышев, – это она моим многометровым прыжкам. – Не смеши народ. Стой, где стоишь – я слетаю за оптимизатором.

У меня на руке два серебряных браслета.

– Билли, ты в котором?

– Угадай.

– Помнится, кто-то урны заслужил.

Любе:

– Есть здесь урна, мусоросборник, утилизатор?

– Зачем?

Снял старый, выдавший виды оптимизатор, показал, держа с брезгливым видом двумя пальцами.

– Давай. Отдам в переработку. Или в музей, как экспонат.

– А говоришь, героев нет.

– Живых...

Церемониальный зал ничем не отличался от оранжереи – разве только прозрачный купол повыше. Двумя длинными рядами стояли гости – в бальных платьях, фраках, смокингах. Жених со священником уже томились в одном конце живого коридора. В другом искали меня – предстояло вести дочку под венец.

Заложив крутой вираж, огибая строй смокингов, вихрем промчался на своё место. Дианка прыснула. Эля покачала головой и нахмурилась. Подал руку дочери – обопрись. И сам споткнулся, ощутив неожиданный прилив тяжести.

– Билли?

– А ты хотел воробышком порхать?

Вполне земное притяжение. Спасибо друг.

Рука, согнутая в локте, выдвинута вперёд. На ней покоится ручка моей дочери.

Пошли, родная, к твоему счастью.

Зазвучала музыка. Гости хлопают в ладоши. И это слышу.

– Билли?

– Газ в помещении. Азот.

До алтаря шагов двести.

– Пообщаемся, солнышко?

– Да, конечно, папочка, я вся – внимание.

– Хочу знать ваши планы относительно потомства.

– Павел говорит, что дети – это игрушка, забава, а мы взрослые люди и должны заниматься серьёзными делами.

– Все мужчины так говорят. Но ты женщина – твоё призвание рожать. Поставь его перед фактом.

– То же самое говорила мама.

– Пойми, ребёнок, ты – потомок удивительного народа, из-за бесплодия практически исчезнувшего с лика Земли. Доведи это и до Павла. Нельзя искусственно избегать того, что – не дай Бог! – уже заложено в тебя природой.

– Такие страсти говоришь в день моей свадьбы.

– Хочу твоего счастья.

– Ты хочешь внуков в свою московскую квартиру.

Я чуть не споткнулся.

– Билли, она опять копается в моей голове?

– Не обязательно. Эгоистичные желания читаются на твоём лице.

Я справился, я не споткнулся.

– А ты считаешь, здесь нормальный пейзаж, нормальные условия для воспитания малыша?

– Папка, что ты всё об этом и об этом. Как тебе мой Павел?

– Ты сама ответила на свой вопрос – он твой.

Две шеренги гостей закончились. В одной последней рукоплескала Люба. Значит, они поставлены по старшинству. А мама Эля осталась где-то там, в начале значимости. Передавая руку дочери жениху, смотрел не на него, на Любу – твоё коварство? И законная жена смотрела на меня. Во все глаза. И улыбалась... Что-то будет.

Наверное, справедливо, что ушли в прошлое все формы бракосочетания – осталось венчание. Красивый обряд – клятва Всевышнему. А пусть отдувается – сам свёл.

Ловлю себя на мысли, что Павел мне всё-таки не по душе. Горбоносый, лопухий. Внуки могут быть похожими на него.

Целуются. Мы хлопаем в ладоши. Звучит музыка. Первый вальс жениха и невесты. Нет, уже молодожёнов.

Ищу Элю, нахожу Любу.

– Пригласишь?

– Эмансипации на Луне в шесть раз меньше?

– Традиции шорят. Белый танец, и всё такое. Ждать, потом тебя искать. А тут – музыка, ты под рукой. Пригласишь?

– Приглашаю, – щёлкнул каблуками.

Люба – изящный книксен и подаёт руку. Мы закружились – парящие в азоте.

– Шампанского хочу.

Шампанское в ведёрках со льдом повсюду на круглых столиках. Это для любителей открывать. Для нелюбителей – в бокалах на разносах. Оно тягучее, почти вязкое, и пузырьки – как в замедленном кино – не спешат шипеть и лопаться. Но вкус отменный. Из закусок – фрукты, сладости.

Мы пьём. Люба смеётся, обнажая коралловые зубы.

– Хочу напиться!

После нескольких бокалов.

– Гладышев, хочу тебя. Что смотришь? Плюнь в лицо. Оттолкни. Перешагни. Многожёнec несчастный.

– Стоп! Отмотай назад. Нет, лучше начни сначала, но без концовки.

– Гладышев, я хочу тебя.

Закрываю её рот поцелуем.

... У Любы на Луне свои апартаменты. Мы лежим в её постели, она рисует пальчиком круги на моей груди.

– Вернёшься в Москву?

– Я привык. Нам хорошо там с Элей.

– А как же я?

– Если все дела переделала, присоединяйся – будем жить втроём. Глядишь, внука подкинут.

Долгая пауза.

– Тебе нравится Павел?

Люба со вздохом:

– Дианочка сама его выбрала.

– Других кавалеров не было?

– Да полно. Павел – самый бестолковый ухажёр.

– Я заметил.

– Но отличный учёный, геолог, дизайнер. Умница.

– Ну-ну....

– Зря ты. Все люди имеют доступ к Всемирному разуму. Многие способны формировать вопросы. Но лишь единицы – на них отвечать. Павел из их числа.

Мне приятно это слышать – не могла моя дочь увлечься заурядностью.

Пауза. Если б не фигурное блуждание пальчика по груди, подумал, что Люба спит.

– О чём молчишь?

– Показать Луну? У меня есть заповедные места.

– Наверное, надо возвращаться.

– Да, брось. Завтра улетишь, и когда ещё будешь.

Справедливо.

– Пойдём, покажешь.

Мы покинули лунный город. Дикий ландшафт. Звёзды, земной свет – солнце за горизонтом. Летели, едва не касаясь причудливо изрытой поверхности, озирали окрестности, любуясь пейзажами.

– По Луне лучше двигаться в полёте, – поучала Люба. – Ровной и твёрдой поверхности почти нет – скалы, а меж них пылевые омуты.

И сам заметил – кратеры почти до краёв полны мелкодисперсной, как пудра, пылью. Прилунились в центре одного такого.

– Мой любимый, – поведала жена. – Он маленький, его с Земли почти не видно, и потому остался безымянным. Я окрестила его кратером Мечты.

Кратер Мечты чуть не до скалистых краёв заполнен лунной пылью. По крайней мере, посадка была мягкой. Только Люба осталась на поверхности, а я с головой ушёл в сыпучее месиво. В сознании её задорный смех:

– Гладышев, ты где?

Я растерялся. Я ещё не умею обращаться с оптимизатором последнего поколения.

– Билли!

– Что бы ты без меня делал?

Выныриваю на поверхность.

– Я чуть не утонул.

– Да, пожалуй – плотность пыли много меньше воды – тебе самому и не всплыть.

Люба лежит в блюдце кратера, заложив ногу на ногу, руки под голову, лицом к голубому диску Земли. Попытался соответствовать.

– Алёша, смотри какое бездонное небо – целина человеческому разуму. Это хорошо, что ты упразднил границы и объединил землян, а то бы мы до сей поры глазели на звёзды из окопов.

– Слушай, на Земле атмосфера, а здесь её нет. Я к тому, что любой космический гость величиною с гвоздь может стать смертельно опасным.

– Исключено. Над Землёй, гораздо выше Лунной орбиты, создан спутниковый зонт. Ни одному метеориту массой больше пылинки не прорваться к планете или её сателлиту. Всё отслеживается и уничтожается.

– Сколько же потребовалось спутников?

– Знают в Центре Метеоритной Безопасности.

– Чем теперь занят Хранитель Всемирного Разума?

– Собираюсь обустроить солнечную систему.

Я вытянул шею, посмотреть, не насмехается ли Люба, и нижние конечности мои утонули в пыли. Дёрнул их вверх, и голова погрузилась в серую пудру.

Фу, какая гадость!

– Билли, что за чертовщина?

– Летать, надо учиться, как учился ходить.

– Хорошо, хорошо, но позже. А сейчас, будь так любезен, всё делать за меня.

Я вынырнул на пылевую поверхность и заглянул-таки в Любино лицо.

– Что ты хочешь обустроить?

Она не ответила, а мне вдруг стало стыдно за бесцельно прожитые месяцы. И годы...

– Билли.

– А я тебе о чём говорил.

– Я не о том. На Луне отсутствует атмосфера – стало быть, мы здесь, как в открытом космосе?

– Считаю так.

– Откуда твой оптимизатор черпает энергию, поддерживающую организм?

– Из пыли, когда есть контакт. Синтезирует из лучевой энергии.

– Но ведь солнце за горизонтом.

– А звёздные лучи? А отражённый земной свет?

– Ловкач.

– Ты думал.

Наверное, нас потеряли. Тронул Любу за руку.

– Нас ждут, милая, надо возвращаться.

– Полежим ещё. Мне так хорошо здесь – и ты рядом.

Люба положила голову на моё плечо, руку на второе, а ногу на мои конечности. Обычные земные нежности. А меня так резко швырнуло в пылевую глубину, что показалось – спиной ухнулся о каменистой дну кратера.

Чёрт!

– Билли! Что происходит?

– Метеорит. Огромный космический метеорит вонзился в лунную поверхность.

– Но этого не может быть!

– Как видишь, может.

– Где Люба?

– Летит в Луна-Сити.

– Свяжи меня с ней.

Через несколько мгновений Любин голос в сознании.

– Беда, Гладышев, метеорит из космоса прорвал защиту. Я в город. Сам доберёшься?

– Я ни черта не вижу.

– Напряги оптимизатор – у него есть навигаторские функции.

Какие к чёрту функции!

– Билли! Я не могу больше в этой пыли. Сделай что-нибудь.

– Поднимемся повыше. Ещё выше. Ещё. Создатель, ты почти на орбите.

Я выбрался за границу пылевого облака. Надо мной звёздное небо и голубой диск. И ещё – один край горизонта начал плавиться жидким золотом, намекая на скорый восход солнца. Другой тонул в клубящемся мареве.

– Билли, что с городом?

– Нет города, Создатель.

– Это.... Это....

– Это катастрофа. Космическая катастрофа.

– Билли!

– Понял тебя. Но там ничего нет. Там нет никого. Ни людей, ни их оптимизаторов. Только пыль, которая не скоро уляжется.

– Ты хочешь сказать....

– Погибли все.

– Диана!

– Все.

– Заткнись!

Я рванул с руки оптимизатор и потерял сознание.

Моё тело покоилось на границе пылевого облака. А душа унеслась далеко-далеко, на голубую планету, в заснеженную Москву.

– Ма, что такое жизнь?

Моя красивая, умная, изящная мать, доктор наук и дважды мастер спорта, пригладила непослушный вихор на мальчишеской голове.

– Жизнь – это форма существования материи. Вот кристалл – он живёт своей жизнью. Он родился в недрах земли. Его нашли и отдали ювелиру. Теперь он сверкает в кулоне. Ты – мальчик, родился в Москве и ходишь в школу. А когда вырастешь, будешь делать добрые дела.

– А когда умру?

– Тебя предадут земле, и на могиле вырастут цветы. Твоё тело продолжит жизнь в новом облике.

– А душа?

– Отлетит в рай, где будет общаться с другими добрыми людьми.

– И мы там встретимся?

– Всенепременно.

Мы встретимся, мама?

Моё тело покоилось на границе пылевого облака. Я не смог сорвать оптимизатор – Билли был проворнее и отправил меня в нокаут. Медленно, медленно, день за днём пыль оседала. И тело моё опускалось вслед за ней. Билли не спешил будить во мне сознание. Удар по психике был наимоощнейший, и мой виртуальный врачеватель трудился не покладая рук. Наконец Луна вернулась в твёрдые границы. Я очнулся.

Звёзды. Слепящий диск солнца.

– Билли, где я?

– Тебя в каких координатах сориентировать – Пифагора, Эйлера, Лобачевского? Проще говоря, если полетишь спиной к солнцу, то скоро доберёшься до того места, где был Луна-Сити.

На месте лунного города зияла огромная воронка. Их называют кратерами. На дне кратера, в самом центре – распластанная фигурка. Раскинутые руки придают ей сходство с крестом. Люба.

– Давно лежишь?

– Надо лететь в Центр Метеоритной Защиты, разбираться в причинах прокола, а у меня нет сил.

– Такая поза что-то даёт?

Пристроился рядом на мягкой, как облако, пыли, раскинул руки.

– Знаешь, что бывает от таких ударов?

– Что, милая?

– Алмазы рождаются.

– Мама говорила, их называют слезами Аллаха.

– Плакать хочется, но на Луне это невозможно – недоступная слабость. Ты как?

– Пус-то-та. Гулкая пустота.

– Ничего. Со временем заполнится. Полетишь на Землю?

– Останусь с тобой.

Помолчали, переваривая. Я – вдруг принятое решение. Люба – полученную информацию.

- Почему мы здесь одни? Где народ?
- Ногой топнула – чтоб ни одна душа без моего позволения.
- Это верно – спасателям здесь делать нечего, а от сочувствующих стошнит. Помолчали, подыскивая тему, не провоцирующую разногласий.
- Скажи, нужна человечеству эта Луна проклятая?
- Теперь мы прилетать сюда будем каждый год 30 октября.
- Согласен. Но городов строить не будем.
- Мы с тобой. А люди пускай. Человечество не запугают несколько сотен смертей.
- Погибли все Распорядители.
- Новых изберут.
- Что тебе даёт пост Главного Хранителя?
- Масштабы. Возможность быть в авангарде прогресса.
- Честолюбие?
- Скорее норма жизни.
- Почему за мной не оставляешь права выбора?
- Прости, была не права. Каждый волен на свою индивидуальность.
- Помни эти слова всегда, а не только в дни скорби.

Солнце скрылось за горизонт – закончился лунный день. На поверхность опустилась мгла, а небо стало ярче. И ближе. Оттуда, из глубин неведомого космоса, примчался огромный болид на чудовищной скорости, и не стало очень дорогих мне людей. Сколько ты ещё таишь опасностей, звёздная Ойкумена? Не пора ли взяться за тебя всерьёз?

– Билли.

– Проснулся, Создатель? Тебя надо основательно встряхнуть прежде, чем на что-то подвигнуть. Сколько я тебе говорил – займись делом, займись.... Может, и не было этой трагедии, займись ты делом в своё время.

– Думаешь?

– Теперь-то что гадать.

– Ладно. Помолчи.

Обратился к Любе:

– Тебе не стоит лететь в ЦМЗ, искать причину трагедии. Я назову её здесь и сейчас.

Люба встрепенулась, села, по-турецки скрестив ноги:

– Говори.

– Космические скорости опережают реакцию Всемирного Разума.

– Думаешь?

– Нужна реорганизация. А под защиту следует брать всю солнечную систему, а то, не ровён час....

– Гладышев, рыбка моя, неужто...? Дай я тебя расцелую.

Поцелуй Любе не сразу удался – она утопила меня в пыли своим порывом, потом извлекла и всё-таки припала устами.

Приснился сон из голубого детства.

Юркий физик, он же астроном, вызвал к доске.

– Расскажи нам, Гладышев, о лунных кратерах, природе происхождения и названиях.

– Кратеры Луны не имеют ничего общего с вулканической деятельностью. Это следы внешнего воздействия космических тел на её поверхность. Вот этот назвали кратером Скорби. Здесь был город Луна-Сити, где выращивались удивительные кристаллы – лунные камни. Гигантских размеров метеорит, залетевший из космических просторов, в мгновение ока превратил город и его обитателей в пыль.

– Как это, Гладышев? Никто ещё ничего не слышал о городе на Луне, а кратер Скорби – место его гибели – уже обозначен на карте?

– Значит, эта карта из будущего.

– Вот я вкачу тебе сейчас двойку из настоящего – и плакала твоя медалька.

Закончилась лунная ночь. Последняя ночь скорби. Мы улетаем с Любой. Нам уже выслали новый аппарат взамен погибшего. Он прилунился неподалёку и терпеливо ждёт. Впрочем, о чём я? Никто нас в нём не ждёт – тарелка пуста, а посадка совершена в автоматическом режиме. Я уже готов к отлёту – простился и настроился. Жена медлит. Она в центре кратера. Она в позе лотоса. Быть может, плачет. Возможно, молится.

Не будем мешать.

Моя жена, Любовь Александровна Гладышева, в девичестве Чернова, великий человек, но и ей не чужды минуты слабости, минуты скорби, минуты печали.

Пусть себе. В наш век женщины разучились плакать. Это плохо. Это плохо потому, что мы, мужчины, разучились жалеть их и защищать.

Слава Богу, нам с Любой это не грозит.

2

Романтика космических полётов. Корабль летит намеченным маршрутом. На экране мигают звезды, далёкие и близкие. Манят – может, завернёшь, чайку погоняем, чего расскажешь. Метеориты – неприкаянные бродяги – проносятся мимо. Не зевай!

Командир корабля... Нет, лучше: капитан космического корабля с трубкой в зубах за пультом управления.

– Люба, на день рождения подари мне трубку и курительный табак.

– Кому хочешь соответствовать?

– Это будет мой собственный стиль.

– Космический стилиста? Что-то новенькое, Гладышев.

Подготовка занимает больше времени, чем сам полёт. А долго ли нам готовиться?

Личный летательный аппарат Главного Хранителя Всемирного Разума заменил нам дом, работу. Весь семейный скарб на борту – моя гитара, Любины безделушки. У нас нет ни вилл, ни дач, ни ранчо. Одна-разъединственная московская квартира, да и та пустует. Мы – космические бродяги и всегда в движении.

Решили побывать на Марсе. Запросили «добро» Центра Управления Полётами. Там вычертили маршрут, ждут сигнала «К старту готов». Мы сядем в «тарелку», поднимем люк-трап, пристегнёмся в креслах и... всё. Откроется люк, опустится трап – здорово, марсиане! Такая романтика. Нет, без трубки тут никак.

Люба общается с кем-то посредством оптимизатора. Наверное, даёт последние ЦУ землянам – не шалите, мол, без меня.

Я лежу на траве в двух шагах от трапа, и мне до чёртиков хорошо. Хорошо жить на свете! Сорвал травинку, сунул в рот, пожевал, выплюнул. Нет, не то – трубка, трубка нужна. И капитанская фуражка.

В конце концов, сколько можно трепаться?

– Юнга!

Люба машет рукой – отстань!

Ну, получишь ты у меня сегодня. Любуюсь женой. Думаю, как бы сорвать с неё комбинезон и отшлёпать по тугим ягодицам.

Мы летим на Марс. Сам полёт – одно мгновение. А вот сборы...

Перевернулся на живот, всем видом выражая недовольство. На глаза попался муравьишка. Членистоногий парнишка спёр где-то крылышко мотылька и торопился умыкнуть в муравейник, пока, должно быть подгулявший, хозяин не спохватился. Я вооружился травинкой – стоп, таможенный досмотр, предъяви документ на товар. Воришка был не из трусливых. Лез к намеченной цели, не бросая контрабанды, упорно преодолевая все искусственные преграды...

– Гладышев, язык откусишь.

– Наговорила? – поднялся. – Можем лететь?

– Присядем.

А как же, и споём:

– перед дальней дорогой

Пусть лёгким покажется путь

Давай, космонавт, потихонечку трогай....

Люба:

– И что обещал, не забудь.

Люба требует от меня противометеоритной защиты для Солнечной системы. Я тяну время – хочу, мол, осмотреть хозяйство, которое нуждается в таковой. Волокита не от сомнения – у меня нет идей. И Билли не в силах помочь. Пока. Он только согласился, что существующая оборона не совершенна, и лихорадочно ищет ей замену. По его совету уговорил Любу попутешествовать. Летим на Марс.

Поднят люк-трап, мы в креслах пилотов, пристёгнуты ремни. Ремни безопасности.... При полном отсутствии сил инерции. Что это? Технический архаизм? Дань инструкциям?

Спрашиваю Любу.

– Так надо.

Ну, надо, так надо. Погнали наши к марсианам.

Люба включает антигравитацию, связывается с Центром Управления Полётами.

– Борт к старту готов.

Пауза. Наверное, в ЦУПе дали команду «Старт» и Всемирный Разум телекинетической энергией с земной поверхности переместил нас на марсианскую.

Запоздалое:

– Счастливого пути!

На экране что-то мелькнуло, поменялся пейзаж, и мы поняли, что прибыли.

Разумнее было «Счастливого пути!» заменить на «Добро пожаловать!».

Переглянулись с Любой. Мы не первооткрыватели. Полёты на Марс осуществлялись и до нас. И сейчас несколько экспедиций работают на планете. Но она слишком велика, чтобы считать её исследованной. Поэтому....

Переглянулись с Любой. Ну что, с Богом?

Отстёгнуты ремни, опущен люк-трап, мы на планете Марс. Бледный диск солнца далёк от зенита. Под ногами каменистая почва. Нет, это глина, весьма засохшая, скорее обожженная – и вся в трещинах. Мне это навеивает недобрые аналогии.

– Билли, радиоактивный фон?

– Зашкаливает.

– Выдержишь?

– Обижаешь.

У Любы в руках прибор.

– Радиоактивный фон за опасным пределом.

– Успокойся, дорогая – лучевая болезнь нам не грозит. Как и отравление аммиаком.

Амиачные облака жёлтыми барашками паслись на сером небе.

Вот оно убежище Бога войны!

– Поищем доспехи Марса?

Билли отговорил от авантюры.

– День на исходе, и давление резко падает – как бы чего не было.

«Как бы чего» обрушилось на окрестности сразу после захода солнца. Мы лежали в нашей уютной космической кровати, и Люба рисовала пальчиком круги на моей груди. За бортом бились и стонали местные стихии.

– Гладышев, ты привык всё одушевлять – надели интеллектом сей торнадо.

– Его зовут Ипполит.

– Как, как?

– Бог солнца похитил его дочь, Розовую Бурю, и умчал на золотой колеснице. Старый великан рванулся вдогон. Уже много столетий кружат они по планете и никак не могут пересечься. Невдомек разгневанному Ипполиту, что Бог солнца не по своей воле колесит по небосводу и день за днём повторяет пройденный путь. Старому торнадо подождать бы на месте, и уже утром в его лапы въедет сама золотая колесница с похищенной дочерью.

Будто в ответ на мои слова за бортом стихло.

– Ой, – Люба притиснулась ко мне. – Ипполит подслушал и утром украдёт солнце.

– Не бойся, дорогая. Утром Ипполит увидит дочь в объятиях Бога солнца, обрадуется её счастливой улыбке и простит похитителя.

Утро после бури выше всяких похвал. Розовые облака мазками талантливого художника набросаны на выцветший небосклон. Бледный диск светила, взгляд которого выдерживал невооружённый глаз, не спеша поднимался над горизонтом. Окрестность преобразилась. Опалённое и потрескавшееся глиняное плато засыпал белый песок. Засыпал и утрамбовал до эмалированного блеска.

– Спасибо, Ипполит, – сложив руки крестом на груди, мавром поклонился на люк-трапе. – Вижу, мир в семье восстановлен.

– Ты с кем? – Люба из флаера.

– Выходи – познакомлю. Песок и солнце, день чудесный, ещё ты дремлешь, друг прелестный?

Друг прелестный выпорхнул из «тарелки», не касаясь трапа, и понёсся над белоснежным плато.

– Гладышев, догоняй!

– Прости её, Ипполит, она женщина. Ты знаешь, что такое женщина?

Старый торнадо, конечно, знал, но молчал. На его плече почивала любимая дочь.

Люба обзревала окрестность с высоты.

– Какая угрюмая безвкусица. Гладышев, что ты хочешь найти на Марсе?

– Разум. Ведь ты Хранитель Всемирного Разума – стало быть, и местного.

– Где, где ты его видишь? – Люба раскинула руки в полёте. – Бесплодная, заражённая равнина – здесь не может быть жизни.

– Когда-то была.

Налетавшись, Люба присела на ступень трапа.

– Скучотища.

– Тебе не хватает земной суеты?

– Может, поищем что-нибудь попримечательнее?

Марсианские каналы. Ну, как же – быть на Марсе и не поглазеть на это удивительное чудо природы. Мы добрались к одному на третий день, и сразу убедились – дело тут не в природе. Перед нами искусственное сооружение в гранитных стенах, прямой линией уходящее за горизонт в обе стороны. Дна канала, как и его конца-начала не видно.

Люба притиснулась щекой к моему плечу.

– Жутко, Гладышев.

– Чего боимся?

– Ведь это следы цивилизации, ушедшей навсегда. Что погубило её? Не грозит та же участь голубой планете Земля? Нашему народу?

– Мы здесь, и никто не мешает заняться поисками разгадки.

– А наша миссия?

– Будем искать в обоих направлениях. Кто знает – может, у них одна природа.

Любу ли уговаривать на интересную тему?

Припарковали флаер на гранитный парапет канала и на следующий день спустились на его дно.

Ни-че-го. В смысле ничего интересного. Наносные отложения – песок, щебень, глинистые проплешины. Больше повезло на поверхности. На противоположной стороне канала, в распадке марсианских скал Люба усмотрела удивительную площадку. На ней правильными рядами стояли, лежали полуразрушенные круглые и призматические колонны.

Побродив меж них, выдал мысль:

– Меня не покидает ощущение, что это античный акрополь. Нет, скорее кельтское капище.

И Люба:

– А меня, что колонны – это дело рук очень похожих на человеческие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.